

публікі было пераведзена на беларускую мову. З 1922 года на ёй пачалі выдавацца падручнікі. 20 лютага 1922 года на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі, якая існавала з лютага 1921 года і займалася распрацоўкай беларускай навуковай тэрміналогіі, быў адкрыты Інстытут беларускай культуры (Інбелкульт). У яго задачы ўваходзіла вывучэнне мовы, літаратуры, этнаграфіі, гісторыі, эканомікі, грамадскіх навук і прыродных багаццяў Беларусі.

З уводам у Мінску радыёстанцыі, якая пачала весці свае перадачы на беларускай мове, аўтарытэт новага, сучаснага сродка сувязі і шырокіх зносін пачаў садзейнічаць павышэнню аўтарытэта беларускай мовы, якая да нядавняга часу лічылася мовай нізоў.

Аб'ектыўны паказчык якасці развіцця ўсялякай мовы — узровень яе функцыянальнай дыферэнцыяцыі, або комплекс яе грамадскіх абавязкаў, функцый. Радзіе, якое ў прамым сэнсе слова ў поўны голас загаварыла на беларускай мове, у значна большай меры, чым іншыя сродкі масавай інфармацыі, узяло на сябе выкананне грамадскіх функцый, уласцівых мове, а значыць, і прыстасаванне самой мовы да выканання гэтых шматвобразных функцый. У эфіры гучалі лекцыі і гутаркі на грамадска-палітычныя і навуковыя тэмы. Асвойваліся новыя, раней незнаёмыя бытавой мове пласты лексікі, а разам з тым удасканальвалася ўнутраная арганізацыя мовы, выпрацоўваліся грамадска ўсвядомленыя і практычна неабходныя формы класіфікацыі моўнага матэрыялу, узмацнілася сувязь розных форм мовы з патрэбамі практыкі. Гэтаму працэсу садзейнічала генетычная блізкасць беларускай і рускай моў, але яна ж стварала і спецыфічныя цяжкасці пры перакладзе на беларускую некаторых паняццяў і тэрмінаў, якія ўпершыню прыйшлі на Беларусь у рускім моўным абліччы. Засваенню іх беларускай мовай заміналі псіхалагічныя бар'еры непрызнання форм, якія не былі звычнымі, тым больш, што ў многіх выпадках пераклад зводзіўся да прымітыўнай калькі. Пры гэтым ігнараваліся ўнутраныя законы беларускай мовы, штучна блыталіся рознамоўныя элементы. Такая лінгвістычная нядабайнасць сустракаецца і сёння, і вызваляцца ад яе — значыць клапаціцца аб чысціні мовы, яе сэнсавай дакладнасці і мастацкай выразнасці.

У разгледжаны намі перыяд гэта з'ява была асабліва распаўсюджана, і журналістам друку і радзіе даводзілася весці з ёй барацьбу сваёй зброяй — фельетонамі, сатырычнымі нататкамі, у якіх высмейваліся ўзоры аляпаватага стылю. Галоўным жа сродкам удзелу журналістыкі ў гэтым працэсе былі беражлівыя адносіны да мовы, раскрыццё і выкарыстанне яе найбагацейшых магчымасцей.

¹ Новости радио. 1927. № 42. С. 4.

² Там жа.

³ В диапазоне современности. М., 1985. С. 29—30.

⁴ Савецкая Беларусь. 1926. 13 красавіка.

⁵ Партархіў Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ. Ф. 4, оп. 7, д. 146, л. 6.

⁶ Звезда. 1926. 14 студзеня.

⁷ Там жа.

⁸ Партархіў Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ. Ф. 4, оп. 14, д. 49, л. 18.

⁹ Новости радио. 1926. № 6. С. 6.

¹⁰ Радиофронт. 1931. № 3—4. С. 197.

¹¹ Там жа. С. 285.

¹² Ленин У. И. Творы. Т. 20. С. 206.

О. Т. МАНАЕВ

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Демократические перемены в нашем обществе чаще всего демонстрируют на примере гласности, прежде всего деятельности средств массовой информации (СМИ). Эти перемены действительно значительны.

Во-первых, содержание массовой информации стало более адекватно отражать реальную действительность в современном и историческом аспектах, в глобальном и локальном масштабах. Расширились «зоны», ранее недоступные для публичного обсуждения: преступления государства против собственного народа в эпоху культа личности, всепроникающая коррупция

органов власти в период застоя, экологические бедствия, острейшие социальные и национальные конфликты в различных регионах страны и т. п.

Во-вторых, происходит дифференциация, кристаллизация СМИ в зависимости от их позиции в перестройке. Так, открытое идеологическое, а подчас и политическое, противоборство развернулось между некоторыми центральными СМИ (журналами «Молодая гвардия», «Наш современник», газетами «Литературная Россия», «Московский литератор» и др., некоторыми передачами Центрального телевидения и Всесоюзного радио), занимающими консервативные позиции (т. е. в политической, экономической и духовной сферах не принимающие ряд официально декларируемых целей и принципов перестройки), и СМИ (журналами «Огонек», «Знамя», «Октябрь», газетами «Московские новости», «Аргументы и факты», «Советская культура», информационными и молодежными передачами ЦТ и ВР), занимающими демократические позиции (т. е. во многих отношениях идущие дальше официальных целей и принципов перестройки). Такая же дифференциация, пожалуй, менее выраженная, происходит и среди региональных СМИ.

В-третьих, усиливаются противоречия, иногда переходящие в открытые конфликты, между некоторыми СМИ и их издателями. В течение всех пяти послеапрельских лет продолжается давление издателей, т. е. органов власти, на редакции и отдельных журналистов, драматическая хронография которого отражена на страницах самой прессы. Причем это давление, отчасти под воздействием двух первых факторов, не ослабевает, а усиливается.

Подобные перемены в деятельности СМИ не могли происходить в доапрельский период советской истории. Однако при всей их значимости они, на наш взгляд, еще не свидетельствуют о той степени демократизации СМИ, которую пытаются представить многие теоретики и практики пропаганды (заметим, что разрыв между по-прежнему идеологизированной журналистской наукой и реальностью стал одной из причин резкого падения авторитета профессиональных журналистских изданий: лишь за один 1989 год подписка на газету «Журналистские новости» сократилась почти вдвое, на журналы «Журналист», «Телевидение и радиовещание» — на треть¹).

Так, если говорить о демократизации содержания массовой информации, следует иметь в виду, что до сих пор гласность лишь эпизодически и поверхностно касается деятельности главных институтов власти советского общества: партийных органов (начиная с обкомов и выше), КГБ, армии, внешнеполитических ведомств, самих центральных СМИ. При освещении наиболее сложных и острых социальных и национальных конфликтов, по мнению их участников, позиция СМИ, особенно центральных, нередко оказывается не только неадекватной, но и провокационной. Например, контент-аналитики Прибалтики отмечают, что центральная и местная пресса отражает события, используя разные «социальные диалекты»². Вероятно, именно поэтому при общем росте подписки на центральные газеты она сократилась в регионах с высоким уровнем социальной и национальной напряженности, причем подписка на собственно партийные издания сократилась в среднем на треть³.

Если говорить о кристаллизации политических позиций СМИ, нельзя не заметить, что изданий и телерадиопередач, открыто и последовательно выражающих демократическую точку зрения, насчитывается едва ли больше десятка, причем их количество за пять послеапрельских лет заметно не увеличилось. В то же время в конце 1989 года в стране издавалось почти 9 тыс. газет и массовых журналов, разовый тираж которых составлял примерно 350 млн. экземпляров⁴. Подавляющее большинство их продолжает, как показывают исследования, функционировать по прежним принципам отражения действительности и взаимодействия с аудиторией. В этой ситуации положение демократических СМИ уподобляется положению московского Арбата, где в течение нескольких лет публике демонстрировали «свободу самовыражения человека при социализме» (только здесь можно было открыто выражать свое мнение в форме исполнения художественных произведений, политических дискуссий и т. п.). К тому же равновесие консервативных и демократических СМИ на деле оказывается мнимым, так как люди, обладающие реальной политической властью, оказывают давление главным образом не на первые, а на вторые.

Что же касается обострившихся, открытых конфликтов между СМИ и издателями, то победа журналистов (поражения чаще остаются неизвестными) нередко обеспечивается лишь вмешательством высшего политического руководства, включая членов Политбюро. Почему? Ответ прост: потому что положение СМИ в политической системе общества не изменилось, абсолют-

ное большинство их остается органами различных институтов власти. Красноречивым свидетельством этому стал тот факт, что известная статья Нины Андреевой, ставшая манифестом неосталинизма, в марте 1988 года после публикации в «Советской России» была перепечатана многими региональными газетами по прямому указанию партийных органов. Не обладая ни политической, ни экономической независимостью, лучшие из СМИ пытаются найти выход в профессиональном и технологическом совершенствовании, но результаты этих усилий — при всей их значимости — остаются весьма неустойчивыми, так как находятся в зависимости от органов власти. Очевидно, что недостижимая высота, на которую поднялись в советской журналистике газета «Московские новости» и журнал «Огонек», определяется не только виртуозным политическим мастерством и личностными качествами их главных редакторов и журналистов, но и их уникальным положением в системе редакция — издатель. «Московские новости» до сентября 1990 года издавало АПН — организация, занимающаяся внешнеполитической пропагандой, а потому заинтересованная в либеральном имидже пропагандируемой ею системы. «Огонек» же, строго говоря, вообще не является ничьим органом, а потому относительно самостоятельно формирует свою позицию.

Но и «особый статус» не является для СМИ надежной гарантией, как показала история с «Учительской газетой». Три года назад эта центральная газета во главе с В. Матвеевым, начав бороться за демократизацию советской системы образования, за педагогику сотрудничества, по сути дела вступила в конфликт с Министерством народного просвещения (органом которого являлась) и его главным научным консультантом — Академией педагогических наук СССР. Тираж газеты вырос вдвое, она стала популярной не только среди прогрессивно настроенных учителей, но даже учеников и их родителей. В результате этой борьбы был создан независимый Союз учителей СССР, а авторитет консерваторов от образования в общественном мнении был навсегда подорван. Иными словами, возник — причем на виду у всей страны — прецедент фактического освобождения издания из-под власти издателя. В этой ситуации ЦК КПСС решает повысить статус газеты: делает ее своим органом, несколько расширяет штат сотрудников и назначает нового главного редактора, мотивируя свое решение повышением роли образования и молодежи в советском обществе. После этой политической операции содержание газеты стало стремительно меняться, всего за год подписка на нее упала более чем на 20 %.

При обсуждении на второй сессии Верховного Совета СССР Закона о печати и других СМИ, закрепляющего свободу СМИ не только от цензуры (Ст. 1), но и единого издателя (Ст. 6), стало очевидным, что партийное руководство стремится любым путем сохранить свою монополию на массовую информацию.

К сожалению, теория массовой коммуникации, развиваемая советскими учеными, и сегодня во многом не согласуется с практикой. Даже наиболее компетентные и прогрессивные из них продолжают, опираясь на работы классиков марксизма-ленинизма, оперировать абстракциями: «Возможность СМИ участвовать в решении личных и общественных проблем объясняется их связями с институтами управления». Например, «двунаправленность потоков информации в системе СМИ обеспечивается, помимо прочего, наличием форм работы и норм ответственности органов управления перед прессой и населением за реакцию на информацию, поступившую от населения»⁵. Яркой иллюстрацией нереальности этого положения явилась октябрьская (1989) сессия Верховного Совета БССР, утвердившая Закон о выборах в местные Советы. В ходе публичного обсуждения предварительно опубликованного проекта этого Закона в редакции СМИ республики поступило около 100 тыс. писем, абсолютное большинство которых содержало требование отменить квоту от общественных организаций и окружные предвыборные собрания как антидемократические механизмы власти. Однако проект Закона, предложенный на обсуждение сессии аппаратом Президиума, не только проигнорировал эти требования, но даже увеличил квоту от общественных организаций с одной четверти до одной трети, а о самих результатах опроса, представленных средствами массовой информации в комиссию законодательных предположений, депутаты узнали только из выступления своего коллеги.

На этом примере видно, как функция вовлечения масс в процесс социального управления через СМИ «обрывается», «свертывается» в системе самих СМИ именно в силу ее тотальной зависимости от институтов власти. Поэтому неудивительно, что и в условиях гласности аудитория продолжает выходить из сферы влияния СМИ. Так, по данным нашего исследования, с

осени 1985 до осени 1987 года количество молодых читателей, слушателей, зрителей, обычно или иногда не соглашавшихся с мнением газет, радио, телевидения, возросло с 71 до 84,1 %, а количество не доверяющих им как источникам правдивой информации — с 29,3 до 50,1 %⁶. В этой ситуации несогласная аудитория оказывается вынужденной искать иные, альтернативные источники информации. До 1988 года (года бурного развития альтернативной прессы) основными из этих источников были межличностное общение в неформальных группах и передачи западного радио. Так, за тот же период количество молодых людей, с разной степенью регулярности слушающих западное радио, увеличилось с 63 до 83,1 %⁷.

Таким образом, очевидно, что развитие СМИ в процессе демократизации (которое включает в себя не только влияние СМИ на данный процесс, но и демократизацию их собственной деятельности) не претерпело принципиальных изменений, поскольку таких изменений не претерпела пока политическая и экономическая система советского общества, а гласность является понятием, «объем которого остается в Советском Союзе предметом напряженной политической борьбы»⁸. В условиях монопропаганды относительная демократизация содержания массовой информации не может (по определению) стать постоянно действующим и эффективным фактором развития гражданского общества. Так, до недавнего времени именно демократические силы общества добивались того, чтобы СМИ говорили «правду, одну только правду, ничего кроме правды». И вот правда (точнее говоря, ее часть) стала достоянием общества. Поскольку прежняя ложь была «розовой», постольку правда стала восприниматься «черной». В результате подобной аберрации массовое сознание, не привыкшее к столь резкой смене «цвета времени», стало испытывать испуг, даже состояние шока (возможно, впрочем, это объясняется не столько «привычкой», сколько свойствами структуры массового сознания — «ее разорванностью, пористостью, противоречивостью, способностью к быстрым изменениям в одних отношениях и известному «окаменению» в других»)⁹. В этой ситуации уже не демократические, а консервативные, реакционные силы общества стали обнаруживать заинтересованность в таком содержании массовой информации, умышленно подменяя образ кризиса образом хаоса, грядущей гражданской войны. Итогом этого процесса стало формирование в массовом сознании ложной дилеммы: либо успокоительная ложь, знакомое, стабильное старое, либо пугающая правда, незнакомое, нестабильное новое. Эта дилемма, в свою очередь, стимулирует в массовом сознании сдвиг вправо, к идее (идеологии) «твердой руки». Но почему же дилемма ложная, и при чем здесь СМИ, стремящиеся говорить правду независимо от ее «цвета»? Дело в том, что СМИ, включая и наиболее демократические из них, почти не публикуют альтернативных позитивных программ развития общества, решения тех или иных конкретных проблем, предлагаемых новыми социальными субъектами (политическими партиями и организациями, общественными движениями, профессиональными объединениями, клубами по интересам и др.). СМИ для этих субъектов остаются по-прежнему малодоступными. Другой «цвет» (помимо «розового» или «черного»), другой путь (помимо диктатуры и хаоса) незначительно представлены в массовой информации, а следовательно, и в массовом сознании.

Однако поскольку новые социальные субъекты возникли и стали активно действовать, постольку возникла объективная потребность и реальная возможность существования альтернативных СМИ.

К началу 1990 года, по данным издающегося в Москве журнала «Независимый библиограф», в СССР (без учета Прибалтики) издавалось свыше тысячи альтернативных газет, информационных бюллетеней и журналов. Если к этому прибавить прибалтийские издания, а их только в Литве зарегистрировано свыше 170, их общее количество составит не менее полутора тысяч (в Белоруссии — свыше 50)¹⁰. Причем всего за три года их количество возросло примерно в 100 раз. Периодичность их колеблется от еженедельного до ежегодного выпуска, объем одного номера — от нескольких машинописных страниц до нескольких печатных листов, тираж одного номера — от нескольких экземпляров до ста тысяч. Общий разовый тираж, по нашим оценкам, составляет не менее 1 млн. экземпляров. Основная часть их печатается на пишущих машинках и затем ксерокопируется, хотя некоторые печатаются на фотобумаге, а газеты прибалтийских народных фронтов — в типографиях партийных издательств. Чаще всего они распространяются на митингах и демонстрациях, в группах неформального общения, расклеиваются на заборах и зданиях, в Прибалтике их можно купить в специальных киосках. На некоторые такие газеты можно подписаться. Уже создано не-

сколько независимых информационных агентств, объединяющих некоторые из альтернативных изданий в единую информационную сеть. В 1989 году по инициативе выходящего в Москве журнала «Гласность» создан профсоюз независимых журналистов, в который входят представители примерно 10 % альтернативных изданий. Три четверти общественно-политических изданий, а они наиболее многочисленны, имеют собственную политическую платформу¹¹. Хотя чаще всего альтернативная пресса издается непрофессионалами, многие редакторы мотивируют свою деятельность не просто желанием публиковать то, что не публикуют официальные СМИ, а делать свое собственное дело, быть хозяином положения. Аудитория альтернативных изданий составляет около одного процента населения страны, но этот процент охватывает наиболее образованную его часть. Эта аудитория, как правило, проявляет большую аналитичность в суждениях и большую их самостоятельность, лучше информирована, а главное — обладает повышенной компетентностью во многих вопросах¹².

Уже из этой краткой характеристики видно, что альтернативная пресса имеет весьма специфические особенности организации, взаимодействия с аудиторией, качества публикуемой информации, резко отличающие ее от прессы официальной, включая и наиболее прогрессивные издания. Поскольку альтернативная пресса в большей мере, чем официальные СМИ, становится сегодня средством самореализации разнообразных социальных субъектов, фактором их развития, постольку именно она, несмотря на невысокий профессионализм, слабую технологическую базу и ограниченные масштабы влияния, начинает выполнять утраченную официальными СМИ массово коммуникативную функцию, становится связующим звеном развития информационного и гражданского общества в нашей стране. В перспективе взаимодействие альтернативных и официальных СМИ будет возрастать и, видимо, приведет к их качественной трансформации. Оставшиеся в процессе конкурентной борьбы альтернативные СМИ станут профессиональными. Подобный процесс уже происходит в Прибалтике. Например, «Вестник партии национальной независимости Эстонии» печатается в собственной партийной типографии, оснащенной лазерной техникой, не имеющей аналогов в стране. Гонорары в этих изданиях в 4—5 раз выше, чем в официальных. Такие финансовые и технические условия способствуют переходу журналистов из официальных изданий в альтернативные, и поэтому некоторые исследователи полагают, что «в условиях, когда вся прибыль от партийно-советских изданий почти полностью переводится в бюджет ЦК КПСС, их конкуренция с неформальными изданиями в долгосрочной перспективе вряд ли возможна»¹³. Одновременно с профессионализацией альтернативной прессы качественная трансформация официальных СМИ будет проявляться прежде всего в обретении ими политической и экономической независимости от нынешних издателей, т. е. в альтернативизации. Впрочем, в условиях подлинной демократии, плюрализма разделение СМИ на официальные и альтернативные, по-видимому, вообще потеряет смысл: они станут нормальными средствами массовой информации в нормальном обществе.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.

² Бранта Г. Освещение внутривластной жизни Латвии на страницах газет «Известия» и «Падомью Яунатне» // Журналистика и новое мышление. Проблемы эффективности СМИ в условиях перестройки. М., 1990. С. 76.

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.

⁴ См.: Народное образование и культура в СССР. М., 1990. С. 386—387.

⁵ Фомичев И. Д. Печать, телевидение и радио в жизни советского человека. М., 1987. С. 35; 29—30.

⁶ См.: Манаев О. Т. Несогласная аудитория // Молодежь и демократизация советского общества. Минск, 1990. С. 89—90.

⁷ См.: Манаев О. Т. Влияние западного радио на молодежь в условиях гласности // Влияние средств массовой коммуникации на интересы детей и молодежи. М., 1989. С. 65.

⁸ Баткин Л. Гласность, свобода печати // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 496.

⁹ Грушин Б. Массовое сознание // Там же. С. 206.

¹⁰ См.: Независимый библиограф. 1989. № 4; Литературная газета. 1990. 10 янв.; Белорусская трибуна. 1990. № 1—2.

¹¹ См.: Московские новости. 1989. 17 сент.

¹² См.: Гудков Л. Комментарий социолога // Литературное обозрение. 1990. № 1. С. 32.

¹³ Нийноя В., Нийноя Т. Система неформальной печати Эстонской ССР // Журналистика и новое мышление. М., 1990. С. 88.